

ского языкознания нет пока другого примера, когда двое исследователей поставили бы и разрешили задачу полной разработки сравнительной фонетики и этимологии большой языковой семьи, по степени расхождения сравнимой с индоевропейской, восходя от засвидетельствованных языков через промежуточные уровни к праязыку и не обладая материалом древних письменных памятников. Единственная напрашивающаяся, и притом частичная, аналогия — это классический труд Отто Демпвольфа по реконструкции праавстронезийского, в основу которого были положены данные десятков языков необозримой по своему объему австронезийской семьи [38].

Опубликование книги С. Л. Николаева и С. А. Старостина застает нашу кавказскую компаративистику в сложной ситуации, так как в ней довольно широко представлены как современные, так и до-младограмматические и даже до-бопповские подходы к изучению истории языка. До сих пор в кавказоведении ощущаются тяжелые последствия того периода в истории советского языкознания, когда после лингвистической дискуссии 1950 г. в нашей стране крупными авторитетами в области сравнительно-исторического изучения неиндоевропейских (а иногда и индоевропейских) языков сплошь и рядом оказывались исследователи, практически не владевшие простейшими приемами лингвистической реконструкции. Ссылка на разгром компаративистики в годы господства «учения» Н. Я. Марра и на отсутствие научной школы не может быть оправданием такой беспомощности — известно, что содержание сравнительно-исторического метода многократно и подробно излагалось как в работах обобщающего характера, так и в элементарных пособиях для студентов.

Достаточно сказать, что некоторые представители наиболее влиятельного на самом Кавказе направления в компаративистике — школы «иберийско-кавказского» языкознания — в течение десятилетий пытаются применять к кавказскому материалу своеобразную версию сравнительно-исторического метода, который они почему-то предпочитают называть «историко-сравнительным», хотя дело, конечно, не в названии. В этой версии принимаются лишь некоторые принципы компаративистики, а другие, причем наиболее важные, отбрасываются. Упрощение проводится настолько радикально, что в «историко-сравнительном» методе буквально «чего ни хватишься, ничего нет»: нет требования полноты к системе соответствий и нет поиска их позиционных распределений; нет ясного разграничения хронологических уровней; нет восстановления фонологической системы и корпуса морфем праязыка; нет внутренней реконструкции; нет типологической верификации; нет учета действия аналогии и парадигматического выравнивания и т. д. Основатель и лидер этого направления А. С. Чикобава сумел привить многим (к счастью, не всем) кавказоведам стойкое недоверие к этим премудростям, которые он наивно именовал «фиктивными формами под звездочкой», а «основной задачей» сравнительно-исторической фонетики считал открытие закономерных фонетических соответствий [39], выдавая таким образом предварительный этап исследования за его конечный результат (заметим, что с решением «основной задачи» в наши дни не без успеха справляется компьютер). Дискуссии вокруг исторических построений А. С. Чикобава утратили научный смысл уже в конце 1950-х годов, с появлением первых серьезных работ по сравнительно-исторической фонетике картвельских языков, и надо откровенно признать, что выход в свет «Севернокавказского этимологического словаря» делает эти дискуссии еще менее актуальными. (Тем не менее некоторыми представителями этой школы внесен выдающийся вклад в изучение кавказских языков, который авторы этих строк ни в коей мере не пытаются преуменьшить⁵.)

Как это ни странно, поиски нетрадиционных путей разработки сравнительно-исторической грамматики и этимологии в определенной степени проявляются и среди оппонентов «иберийско-кавказской» школы, многие из которых

⁵ См., например, фундаментальные описательные работы самого А. С. Чикобава [40—42].